

Новая книга М. Горькаго.

(М. Горький. Сказки. Книгоиздательство писателей).

Горькому приходится теперь платиться за ту необыкновенную популярность, которой онъ пользовался. Онъ чуть-ли не первый русский писатель, который приобрѣлъ всенародную известность, такъ какъ имя его сдѣлалось популярнымъ даже въ деревняхъ, среди людей, которые никакихъ книгъ не читали.

Среди интеллигентныхъ читателей многие такъ увлекались его произведениями, что ставили его наравнѣ съ Л. Н. Толстымъ, иные даже выше.

Тотъ фактъ, что ему пришлось удалиться на островъ Капри, казалось, долженъ былъ увеличить только его популярность, какъ увеличило популярность Виктора Гюго удаление на островъ Джерсей.

Но популярность Горькаго раньше уже дошла до зенита, даже перешла его, а потому она не могла болѣе увеличиваться, а стала падать. И теперь даже преувеличено порицаютъ произведенія Горькаго, видятъ недостатки тамъ, гдѣ ихъ не видѣли, или же съ укоромъ противопоставляютъ его новымъ произведениямъ прежнимъ.

На сколько справедливо такое противопоставленіе, че буду говорить. Одно несомнѣнно, что Горькій не могъ оставаться на старомъ мѣстѣ, что ему нужно было идти впередъ. И если его новыя произведенія не отличались свѣжестью первыхъ, если они страдали надуманностью, то по настроенію они превосходятъ его первые рассказы.

Вотъ новая книжка Горькаго „Сказки“. Объ этой книгѣ мнѣ уже приходилось слышать, что она „скудна“, и подъ влияніемъ такихъ отзывовъ я самъ присудилъ къ чтенію ея съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

Въ „Сказкахъ“ Горькаго нѣтъ собственно сказокъ въ обычномъ смыслѣ, это сказки дѣйствительности, взятая въ большинствѣ въ красочной итальянской жизни.

Первые четыре очерка въ книжкѣ—незамѣтные спенки, нѣсколько однотонныя, такъ что читатель, остановившійся на нихъ, можетъ даже не безъ нѣкотораго основанія прийти къ заключенію, что книжка „скудна“.

Но чѣмъ дальше читалъ ее, тѣмъ она болѣе овладѣваетъ читателемъ, увлекаетъ его своимъ человѣчнымъ, бодрымъ настроеніемъ, въ мѣстахъ встрѣчаются въ ней настоящие маленькіе перлы, каковы, напр., рассказы о забастовкѣ трамвайныхъ служащихъ, о прорытіи Симмонсова туннеля, о встрѣчѣ дѣтей забастовщиковъ, объ агитаторѣ-соціалистѣ и его женѣ-католичкѣ и другія.

Авторъ въ своихъ „сказкахъ“ рисуетъ трепетаніе человѣческой жизни, проростаніе новаго сквозь отжившее старое, и смыслъ его „сказокъ“ можно резюмировать такъ:

„Чѣмъ живы люди“ ...

На этотъ разъ это уже не тотъ Горькій, который съ любовью рисовалъ босняцкій, пьяный протестъ, идеализируя босняцкое пренебреженіе къ трудовой, порядочной жизни.

Напр., въ его знаменитой пьесѣ: „На дѣлѣ“ среди пропойдъ, воровъ, бездѣльниковъ наибольшими насмѣшками осыпается трудящійся Клець, потому что яко бы бессмысленно

трудиться, когда плодами труда пользуются другіе, и это можетъ дѣлать только чело-вѣкъ недалекій.

Это былъ анархическій, преувеличенный протестъ молодой души, увлекавшій читателя своей удалью. И это настроеніе совпадало съ протастующимъ настроеніемъ народныхъ массъ.

Теперь Горькій сильно измѣнился, онъ уже не смѣется надъ Клецемъ, понимая великое значеніе труда. И одна „сказка“ въ его книгѣ, о прорытіи Симмонсова туннеля является настоящимъ гимномъ труду.

Рабочій, участвовавшій въ прорытіи туннеля, гордъ этимъ, не жадуется и на тѣ жертвы людьми, которыми это сопровождалось, даже на смерть своего отца, но говорить:

— Человѣкъ—умѣетъ работать. О, синьоръ, маленькій человѣкъ, когда онъ хочетъ работать — необходимая сила! И повѣрьте—въ концѣ-концовъ этотъ маленькій человѣкъ сдѣлаетъ все, что хочетъ.

Когда туннель былъ оконченъ, онъ пошелъ на могилу своего отца и сказалъ:

— Отецъ, сдѣлано! Люди побѣдили!

Пусть плоды труда, при плохомъ устройствѣ общества, не вполнѣ достаются трудящемуся, но самъ трудъ въдѣ основа человѣческой жизни, и не напрасно живетъ только тотъ, кто трудится.

И всюду въ рассказахъ проступаетъ не любовь къ отвлеченной личности, не къ отдаленному будущему, а любовь къ людямъ, каковы они есть, потому что, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, ошибкахъ, заблужденіяхъ, они носятъ въ себѣ залогъ лучшаго будущаго и идутъ все впередъ.

Вотъ рассказъ, въ которомъ женятся двое бѣдняковъ, не имѣющихъ гдѣ преклонить голову. Но люди приходятъ имъ на помощь, тронутые ихъ бѣдностью и любовью,—ихъ надѣлалъ каждый, чѣмъ могъ. Они устроились домой, дождались дѣтей, внуковъ, и одинъ изъ нихъ, старикъ, рассказывая, какъ въ день свадьбы помогла ему коммуна „наши“, говорить:

— Синьоры, это дьявольски хорошо имѣть право назвать людей—наши! И еще болѣе хорошо чувствовать ихъ своими, близкими тебѣ, родными людьми, для которыхъ твоя жизнь—не шутка, твое счастье—не игра.

Часто въ „сказкахъ“ Горькаго люди сталкиваются и враждуютъ, то изъ равности, то изъ гордости и самолюбія, то изъ-за убѣжденій, но авторъ умѣетъ рисовать все это безъ злобы, съ высокимъ пониманіемъ слабостей людей, такихъ маленькыхъ, но которые при этомъ все стремятся впередъ и впередъ.

И рисуя итальянцевъ, онъ выдвигаетъ впередъ не тѣ стороны, которые ихъ отягчаютъ отъ насъ, что дѣлаютъ обыкновенно быто-описатели чужой жизни, но то человѣческое, что сближаетъ ихъ съ нами.

И потому итальянцы въ его „сказкахъ“ такъ обидены, и такъ человѣчны и такъ понятны намъ и близки, какъ, напр., рисуется Л. Н. Толстой черкесомъ.

Словомъ, книга Горькаго—хорошая книга, читается она съ удовольствіемъ, а по настроенію, мнѣ кажется, она выше его прежнихъ произведеній.

Нѣтъ прежней удалы, прежняго размаха, но есть глубоко серьезный, вдумчивый взглядъ на людей челоѣка много пережившаго и много передумавшаго.